

ВОЛШЕБНИКИ

The Magicians
ВОЛШЕБНИКИ
ЛЕВ ГРОССМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г88

Lev Grossman
THE MAGICIANS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava l Prevodi International
Literary Agency.

Оформление обложки
Сони Озеровой и Виктории Лебедевой

Гроссман, Лев.
Г88 Волшебники / Лев Гроссман ; [пер. с англ. Н. И. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Волшебники. The Magicians).

ISBN 978-5-17-092937-5

Квентин Колдуотер — бруклинский старшекласник, математический гений. Но по какой-то причине он не чувствует себя счастливым, как будто в его жизни вечно чего-то не хватает... Когда Квентин неожиданно попадает в частный колледж магии Брекбиллс, ему кажется, что все мечты разом сбылись. Однако волшебная страна из детских фантазий на поверку оказывается гораздо более опасным местом, чем он когда-либо мог себе представить...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-092937-5

© Lev Grossman, 2009
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается Лили

А там — сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины,
Куда еще не опускался лот.

В. Шекспир, «Буря».*

* Пер. М. Донского.

КНИГА I

БРУКЛИН

Никто не заметил, что Квентин проделал фокус. Они шли по неровному тротуару втроем: Джеймс, Джулия, Квентин. Джеймс и Джулия держались за руки — вот оно как теперь. Все в ряд не умещались, поэтому Квентин плелся сзади, точно непослушный ребенок. Он предпочел бы идти только с Джулией или уж вовсе один, но не все получается как ты хочешь — так, по крайней мере, говорят факты.

— Эй, Кью! — бросил через плечо Джеймс. — Давай-ка обговорим стратегию.

Он, похоже, шестым чувством определял, когда Квентин начинает себя жалеть. У Квентина собеседование через семь минут, у Джеймса — сразу за ним.

— Твердое рукопожатие. Смотреть прямо в глаза. Когда он проникается к нам доверием, ты бьешь его стулом, а я раскалываю пароль и отправляю мейл в Принстон.

— Просто будь собой, — посоветовала Джулия.

Ее темные волосы стянуты сзади в волнистый хвост. Она всегда с ним мила, и от этого ему почему-то еще хуже.

— Да какая разница, что говорить.

Квентин снова проделал фокус. Совсем простой, с пятицентовиком. В кармане пальто, где никто не мог видеть. Туда и обратно.

— Есть одна догадка насчет пароля, — сказал Джеймс. — «Пароль».

Просто невероятно, как долго все это тянется. Им всего по семнадцать, но чувство такое, будто он знает Джеймса и Джулию вечно.

Бруклинская школьная система стремится выделять одаренных детей, а из одаренных вылуцивает юных, так сказать, гениев. Вследствие этого они трое без конца сталкивались на риторических состязаниях, региональных экзаменах по латыни и в крошечных, суперпродвинутых математических классах. Из зубрилок зубрилки, чего уж там. К выпускному классу Квентин знал Джеймса и Джулию лучше всех на свете, не исключая родителей, и они тоже знали его как облупленного. Каждый из них предвидел, что скажет другой, не успевал тот еще рта раскрыть, и с сексом тоже определились. Джулия — бледная, веснушчатая, мечтательная, играющая на гобое и разбирающаяся в физике еще лучше Квентина — никогда не будет с ним спать.

Квентин, высокий и тонкий, по привычке сутулился — ведь все направленные с неба удары, по логике, поражают в первую очередь самых длинных. Волосы длиной до плеч так и остались мокрыми после физкультуры и душа. Перед собеседованием их следовало бы высушить, но он почему-то — в приступе автосаботажа, что ли, — не сделал этого. Низкое серое небо грозило снегом, и мир персонально для Квентина показывал невеселые кадры: ворон на проводах, растоптанное собачье дерьмо, гонимый ветром мусор и бесчисленные трупы дубовых листьев, попираемые транспортом и пешеходами.

— Вот пузо набил, — пожаловался Джеймс. — И почему я всегда обжирюсь?

— Потому что ты прожорливый свин? — предположила Джулия. — Потому что на собственные ноги надоело смотреть? Потому что хочешь дорастить пузо до пениса?

Джеймс запустил руки в каштановые кудри на затылке, подставив распахнутую грудь верблюжьего пальто ноябрьскому холоду, и громко рыгнул. На него холод не действовал, а Квентин мерз постоянно, точно застряв в какой-то личной зиме.

— Был один паренек в старину

По имени Дэйв-о,

Он добрый меч носил на боку

И ездил на добром коне-о, — запел Джеймс на мотив «Короля Венцесласа» или, возможно, «Бинго».

— Ой, нет! — крикнула Джулия.

Джеймс написал эту песенку пять лет назад к школьному смотру талантов, и все они успели выучить ее наизусть. Джулия пихнула певца на мусорный бак, а когда это не помогло, сорвала с него шапку и стала лупить ею по голове.

— Моя прическа! Специально для собеседования!

Король Яков, подумал Квентин. *Le roi s'amuse**.

— Не хочу быть занудой, — сказал он, — но у нас в запасе всего две минуты.

— Боже мой! — ужаснулась Джулия. — Герцогиня! Мы опаздываем, опаздываем!

Мне полагается быть счастливым, подумал Квентин. Я молод, здоров. Родители, тьфу-тьфу, тоже ничем особенно не болеют. Папа редактирует медицинские учебники, мама — рекламный художник (просто художник, поправила бы она). У меня хорошие друзья. Я прочно вхожу в середку среднего класса. Средний балл у меня

* Король развлекается (*фр.*).

такой, что большинство вообще не поверило бы, что он таким может быть.

И все же Квентин, шагая по Пятой авеню Бруклина в черном пальто и сером парадном костюме, счастливым себя не чувствовал. Почему так? Он собрал все необходимые ингредиенты, тщательно исполнил ритуал, произнес слова, зажег свечи, совершил жертвоприношение — но счастье, словно капризный дух, не пожелало явиться. Непонятно, чем еще можно его приманить.

Они шли мимо винных погребков, прачечных-автоматов, бутиков, сияющих неонами салонов связи; мимо бара, где старики уже выпивали, несмотря на раннее, три сорок пять, время; мимо коричневого Дома Ветеранов зарубежных войн с выставленной на тротуар пластмассовой мебелью. Все лишь укрепляло веру Квентина в то, что реальная жизнь должна быть совсем не такой. Космическая бюрократия поднапутала и подсунула ему эту дерьмовую замену.

Может, в Принстоне что-то исправится. Квентин повторил фокус с никелем.

— Играешься со своей волшебной палочкой? — осведомился Джеймс.

— Ни с чем я не играюсь, — вспыхнув, пробурчал Квентин.

— Стыдиться нечего, — хлопнул его по плечу Джеймс. — Это прочищает мозги.

Сквозь тонкую ткань костюма проникал ветер, но Квентин так и не застегнул пальто. Все равно по-настоящему он был не здесь, а в Филлори.

«Филлори» Кристофера Пловера, серия из пяти романов, издавалась в Англии с 1935 года. Пятеро братьев и сестер по фамилии Четуин попадают в волшебную страну, которую открывают случайно, проводя каникулы в доме своих эксцентричных дяди и тети. Гостят

они там не совсем добровольно: отец у них сражается при Пашендейле*, по пояс в грязи и крови, а маму уложили в больницу с какой-то загадочной нервной болезнью — вот детей и отослали в деревню.

Впрочем, эти несчастливые обстоятельства остаются где-то на заднем плане. Каждое лето, три года подряд, дети съезжаются из своих школ-интернатов в Корнуолл. Там они возвращаются в тайный мир Филлори, исследуют свою волшебную страну и защищают ее добрых обитателей от всевозможных злых сил. Самый упорный их враг — некая Часовщица, угрожающая заморозить само время и навсегда остановить Филлори на пяти часах особо дождливого сентябрьского дня.

Квентин, как все, прочел «Филлори» в младших классах, но в отличие от всех — например Джеймса и Джулии, — так и не переболел этой сказкой. В ней он спасался от реального мира; в ней находил утешение от безнадежной любви к Джулии — хотя как раз из-за них она, возможно, и не смогла его полюбить. Там, конечно, много детского, малышowego. Взять хоть Лошадку: ночью она трусит по Филлори на бархатных копытцах, а спина у нее такая широкая, что на ней можно спать.

Но там есть и другое, взрослое. Можно сказать, что «Филлори» — особенно первая книга, «Мир в футляре часов», написаны о чтении как таковом. Старший Четуин, меланхолический Мартин, проникает в Филлори через футляр больших напольных часов (Квентин живо представлял себе, как он протискивается мимо маятника, похожего на язычок в чьем-то чудовищном горле). Делая это, он открывает книгу, которая, не

* У бельгийской деревни Пашендейль в 1917 году происходило одно из самых крупных сражений Первой мировой войны.